

X-385/12-н С. Хентова

2622/ср.

Капитан

“Мгаснозменца”

Издательство Наркомвсделопта СССР
Москва. 1945

Цена 40 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00818173

8

V.N. Karazin Kharkiv National University

AMERICAN ETHNOLOGICAL SOCIETY
WASHINGTON, D. C.

MEMBER

WILLIAM H. R. HARRIS
1880-1881

AMERICAN ETHNOLOGICAL SOCIETY
WASHINGTON, D. C.

X-385,1-к.к.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПРОФСОЮЗА
РАБОЧИХ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА

С. ХЕНТОВА

КАПИТАН
„КРАСНОЗНАМЕНЦА“

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМРЕЧФЛОТА СССР
МОСКВА * 1945

58

2622/8p.

✓

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1913

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1913

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

КАПИТАН „КРАСНОЗНАМЁНЦА“

За успешное выполнение заданий правительства и военного командования по перевозкам оборонных и народнохозяйственных грузов наградить:

...Орденом «Знак почёта»

...Гонимову Марию Николаевну,
капитана парохода «Краснознамёнец»

(из указа Президиума Верховного
Совета СССР „О награждении работников Народного комиссариата речного флота СССР“).

Мария не могла уснуть в эту ночь. Когда на старинных стенных часах пробило двенадцать, она тихонько встала и на цыпочках прошла «чистую половину», где в стороне, у окна, стоял её ученический стол и на диване чернел приготовленный матерью кулёк с провизией и деревянный чемодан. Керосиновая лампа тускло освещала большую комнату дома, разделённого, как принято в деревне, на две половины. Было тепло, тихо, пахло левкоями—любимыми цветами матери.

Первый раз за всю свою семнадцатилетнюю жизнь Марии стало жаль этого маленького домика на склоне оврага возле Волги, хромого диванчика, на котором она учила уроки долгими зимними вечерами, толстой тетради в коленкоровом переплёте—подарка отца, в которую записывала события своей жизни за последние три года.

Вот первая запись дневника: «Получила «отлично» по литературе. Мария Петровна, наша учительница, сказала маме, что я буду педагогом. Мама очень рада. Она не знает, что я уже решила—буду капитаном. Почему капитаном? Не могу ответить точно. Я люблю Волгу, люблю пароходы... Разве девушки не могут работать на пароходах?»

Через месяц она снова возвращается к этой мысли: «Прочитала рассказ в «Огоньке». Он называется «Девушка на капитанском мостике». Девушка-штурман спасла корабль в море. Мне хотелось бы быть на её месте. Ведь летают же наши девушки, прыгают с парашютом, строят шахты. Я тоже должна быть такой. И я добьюсь».

Настойчивая, замкнутая, Мария таила эту мысль, пока не кончила семилетку. Встал вопрос, как быть, как жить дальше? Мать была уверена, что она станет учительницей. Отец, добрый, молчаливый, ничего не говорил Ма-

рии, но матери в задушевном стариковском разговоре сказал: «Лучше бы она вышла замуж да народила мне внуков».

Они очень огорчились, когда Мария объявила, какую она выбрала себе профессию. Никак не укладывалось в мыслях стариков, что девушка может плавать на пароходе. В молодости, когда Николай Петрович сплавлял лес на Волге, ему встречались женщины-коки, судомойки. Они курили трубки, ходили, переваливаясь, в тяжёлых мужских сапогах. Правда, они были мужественными и решительными, но резкими, с налётом грубости, которая не нравилась Николаю Петровичу. Он выбрал себе жену из тихой крестьянской семьи, и вот уже тридцать лет они живут вместе, спокойно и счастливо. И вдруг младшая, любимая дочь захотела стать волгарём.

Огорчению стариков не было предела, но вскоре маленькое объявление в газете успокоило их—в речной техникум девушек не принимали.

Евдокия Яковлевна стала снова разговаривать с дочерью о профессии педагога или медика. Но Мария решила подождать, она была уверена, что попадёт в речной техникум.

А пока она стала сельской учительницей. Начальной школе нехватало педагогов, и Мария, самой способной, дисциплинированной выпуск-

нице, поручили обучать малышей-первоклассников. Она работала старательно, её уважали, побаивались. Впоследствии на «Краснознамёнце» Мария не раз вспоминала прочитанные в эти годы педагогические журналы, статьи о Песталоцци, Дистервеге. На пароходе ей тоже приходилось обучать, воспитывать людей.

Последние записи дневника совсем коротки. Мама всё ещё надеется, что она пойдёт в медицинский техникум.

Наконец весной в дневнике появилась ликующая запись: «Ура, ура, ура! Прочитала в «Горьковской коммуне», что девушек принимают в речной техникум. Как я рада! Сегодня же посылаю заявление».

Её приняли.

Завтра она уезжает. Последняя ночь в родном доме. Что её ждёт впереди? Разве можно уснуть? О многом хочется подумать, многое вспомнить.

Рассвело. Погасив лампу, Мария юркнула под одеяло и забылась крепким молодым сном.

Долго будила её мать: «Пора, Мария, пора уже».

Из фруктового сада принесла она спелые яблоки и самые крупные положила в чемоданчик. Мария долго причёсывала волосы,

надела лучшее платье. Посидели перед уходом, помолчали, и мать смахнула с морщинистых щёк солёную слезинку.

На пристань пошли всей семьёй, даже мохнатая собачка Персик бежала рядом с Марией.

Николай Петрович молчал. А мать всё говорила о том, что надо беречь себя, просила кушать побольше, носить шерстяные чулки, обвязывать шею тёплым шарфом.

Мария убеждала: «Не беспокойся, мама, не волнуйся. Всё будет хорошо».

Пароход отошёл от берега, холмы закрыли голубой родительский домик, но долго ещё Мария видела высокую прямую фигуру матери и маленькую—отца, которые смотрели ей вслед, благословляя на новую, такую непонятную для них жизнь.

* * *

— Кто, товарищи, ответит мне на этот вопрос?

Иван Сергеевич Мореходов оглядывает класс: кто ответит?

Робко поднимается рука, за ней другая, третья. Иван Сергеевич останавливает взгляд на серьёзной нахмуренной девушке: «Сегодня ваша заявочка, товарищ Попова».

Мария идёт к доске и, волнуясь, начинает медленно рассказывать. Постепенно голос её крепнет, она уверенно выписывает на доске формулу и, уже не глядя на Ивана Сергеевича, который кивает головой в такт её словам, кончает:

— Итак, при ударах корпуса о твёрдые подводные предметы может быть прорвана обшивка; тогда вода заполнит отсек и лишит судно некоторой доли запаса пловучести. Судно приобретёт новую, большую осадку, чтобы возместить потерянный объём...

В перемену девушки окружают Ивана Сергеевича. Они очень любят его. Он много плавал в молодости, много знает, всегда умеет успокоить девушек, ещё неуверенных, сумеют ли они работать на пароходах.

— Скажите, Иван Сергеевич,—спрашивает Мария,—а капитаном может быть девушка?

Иван Сергеевич отвечает не сразу, умными внимательными глазами смотрит на девушку, угадывая её желание:

— А почему бы и нет? Я думаю, может. Только для этого, Мария, нужно многое.

— Что нужно?

— Сила воли, острые глаза, крепкие мускулы, а главное—знания.

Следующий урок Мария слушает рассеянно.

Она думает: сила воли, острые глаза, крепкие мускулы есть. А знания будут.

Первые экзамены сданы на «отлично». Иван Сергеевич хвалит её. Она слышала вчера, как Симуля Игнатьева, подруга—весёлая, черноглазая, маленькая, сказала девушкам в общежитии.

— Девчата, помяните моё слово: Марийка будет капитаном...

...Прошло четыре года. И вот в последний раз собрались 18 девушек в своей комнате общежития на улице Лядова.

Чистые девичьи постели. Тумбочки, где в начале месяца—колбаса, конфеты, булки, а в конце, перед получением стипендии,—хлебные корки. Весело. Шутки, смех. Чувствуется настоящая большая дружба.

Вчера Иван Сергеевич сказал напутственное слово:

— Каждый может стать волгарём, девушки. Не бойтесь трудностей. Вы уже плавали на пароходах матросами, штурвальными. Я слышал много хороших отзывов о вас. Я надеюсь увидеть вас штурманами, старшими помощниками капитанов, а может быть и капитанами.

— В добрый путь, девушки, по широкой родной нашей Волге. В добрый путь!

Первые годы своей самостоятельной работы Мария плавала помощником капитана на «Полярнике Папанине», старом грузовом пароходе. Волгари встретили Марию недружелюбно, как вообще встречали в те года женщин на Волге. Она заметила это, насторожилась, замкнулась в себе. Капитан был особенно придирчив. Он экзаменовал её, как школьницу, по судовождению, от буквы до буквы просматривал судовые документы, которые она вела. И он должен был признать, что аккуратнее, лучше помощника у него ещё не было.

Вскоре старательная девушка стала любимицей команды.

Дважды в навигацию пароход проходил мимо села Коротни. Один раз Мария успела забежать домой. Всё тот же голубой домик виднелся на склоне оврага, всё так же жили старики, только морщин прибавилось на их лицах.

Как обрадовалась Евдокия Яковлевна дочери! С какой гордостью прошла с ней по улицам села! Мария выросла, волосы её чуть-чуть потемнели, а глаза стали спокойными, уверенными.

Весной, незадолго до войны, Марию вызвали в управление пароходства. Всю дорогу она волновалась. За чем могли её вызывать? Кажется она неплохо работала, капитан хвалил её, команда уважала.

На широкой нарядной лестнице возле кабинета начальника она перевела дыхание, привычным жестом поправила кудрявые пряди.

— Сколько вам лет, товарищ Попова?— спросил её начальник.

— Двадцать три.

— Кем же я был в двадцать три года?— Он задумался, не замечая волнения Марии, тщетно старавшейся догадаться, к чему идёт разговор.— Кажется штурвальным на пассажирском пароходике? Да, штурвальным. А мы вам предлагаем, товарищ Попова, стать капитаном.

Марии показалось, что закачались стены, остановилось сердце. Ещё восемь лет назад она записала в дневнике: «Я хочу быть капитаном», но всё же это случилось так неожиданно.

А начальник продолжал:

— Я думаю, товарищ Попова, вы сумеете доказать, что женщина может быть капитаном. Организуйте женскую команду. Мы поможем вам. Сумеете?

Мария перевела дыхание, она должна была сказать «да», но боялась, и ответила: «Попытаюсь, товарищ начальник! Если другие могут, почему же мне не суметь? Попытаюсь!»

* * *

— Ну, слава богу, уехал девичий монастырь,—облегчённо сказал диспетчер пристани, когда «Краснознамёнец» стал маленькой точкой на реке.

— Девичий монастырь!—радуясь удачному словцу, подхватили грузчики.—Ну и потеха. Ей-ей потонут они. Одни девки. Сколько лет на Волге—не видали такого. Передерутся ещё, а?

Но диспетчер махнул рукой, отвечая по телефону:

— Отплыли, товарищ начальник. Надеюсь, что всё будет в порядке.

Мария не слышала этих разговоров, но она знала, чувствовала—в её силы ещё не все верят. Испытанием будет первый рейс, первая навигация.

Поздняя ночь обнимает землю, чёрная, беззвёздная. Ни одним огоньком не мигнёт парход. Ощупью продвигается он по полноводной весенней Волге. Если наклониться над бортом, вода будет казаться свежей, пахучей

и захочется взять её ладонями, умыть горячее от беспокойства лицо.

Хорошо, что девушкам не видно лица Марии. В техникуме Иван Сергеевич говорил, что на пароходе лицо капитана определяет лицо команды: спокоен капитан—спокойна команда, растеряется капитан в тяжёлую минуту—быть худу на пароходе.

Никто не знает, как волнуется она в эти первые рейсы. То ей кажется, что пароход идёт слишком близко от берега, то, что чёрная тень нагоняет пароход, и через мгновение оказывается лишь отражением тучи или миражем утомлённых глаз.

Пароход минует затемнённые сёла, деревни, вокруг которых жарко дышет земля, наливаясь летними соками. Вода плещется и шепчет непонятное, как живая.

Девушкам тоже не спится. Одна за другой выходят они из кубриков.

—Ночь-то, ночь-то какая, девчата!

Мария угадывает девушек по голосам. Что-то быстро, горячо рассказывает Симуля Игнатьева, старший помощник. Ей отвечает Нина Бусыгина, племянница знаменитого кузнеца Бусыгина с автозавода. А рядом с ними молчаливый кочегар Роза Петрови́чева.

Мария садится рядом с девушками, прислушивается к разговору. Девушки говорят о

войне. В суете дня иногда забываешь о ней, а сейчас, в безмятежной тишине ночи, война кажется особенно ощутимой. У каждой кто-нибудь на войне—отец, брат, товарищ. У Марии—пятьдесят друзей, которые пишут ей с фронта после того, как в «Правде» была опубликована заметка об организации первой женской команды на Волге. Она отвечает всем, и, вероятно, в Горьком её ждёт много писем.

— Мария Николаевна,—зовёт её Тамара Бычкова,—а какую мы премию получим за перевыполнение плана?

Марию удивляет, волнует, радует уверенность этого вопроса.

— Ты думаешь, Тамара, мы получим?

— А как же. Мы все так думаем.

— Конечно, почему бы нам не получить, девчата?

И, усевшись вокруг своего капитана, девушки горячо обсуждают, как они будут работать, чтобы получить эту премию, за которую борются команды всех пароходов. Ночь уже не кажется такой чёрной, безжизненной, и волнение Марии прячется куда-то далеко.

Но в первые два месяца навигации «Краснознамёнец» не выполнял плана. Сказались неопытность капитана, недисциплинированность некоторых девушек. Да и для всех вол-

гарей начало первой военной навигации было нелёгким.

Котлы на пароходах приспособили для сжигания дров, а бункеровочные базы не снабжали пароходы пилеными и колотыми дровами.

Плотные штабеля сырых двухметровых дров страшили девушек, непривычных к работе, с которой с трудом справлялись сильные мужчины.

Когда «Краснознамёнец» подходил к базе, Мария в старой юбке и отцовских сапогах первая спускалась по трапу:

— Начали, девчата!

И запевала любимую: «Из-за острова на стрежень, на простор речной волны, vyplывают расписные...»

Девушки подхватывали песню, и толстые липкие поленья, пахнущие лесом, уходили в трюмы.

Вечером после погрузки кружилась голова от усталости, но никто не жаловался, потому что капитан тоже грузил, а теперь стоял на вахте.

В трудностях родилась большая дружба членов экипажа. Соревнование укрепило её. Каждая вахта вывесила своё социалистическое обязательство. Девушки обещали поддерживать образцовую чистоту, быстро, по-военному, являться на авральные работы, ак-

куротно выполнять указания начальника. На общем собрании обязательства проверяли строго, придирчиво, и каждый старался работать лучше.

В июле «Краснознамёнец» выполнил план.

Счастливое чувство удачи охватило Марию, и, осмелев, она решила увеличить нагрузку—водить большегрузные воза.

По плану полагалось брать караван весом до 1 700 тонн. Иногда Марии предлагали караван в 2 400 тонн. Она не отказывалась.

Девушки помнят первую учалку большегрузного каравана.

Тёплый летний рассвет. Все свободные от вахты сладко спят. Тихо, безлюдно на пароходе. Марии жалко будить девушек, но ждать до утра—значит терять время, а ей хочется выйти в рейс раньше, чем это предусмотрено графиком: в пути ещё могут быть задержки.

— Вставайте, девчата! Вставайте!

Первой выходит Тоня—штурвальный, сестра Марии. Вслед за ней, поёживаясь от утреннего холода, собираются Нина, Аня, Валя, Тамара, Надя.

Пароход идёт к Красным казармам, учаливает первые две баржи, четыре других ждут у противоположного берега.

Тяжёлый трос до крови разодрал ладонь

Нине Бусыгиной. Она нерешительно предлагает: «Давайте отдохнём».

— Кончим—поспим,—отвечает Тоня, а у самой ручейки пота разлились по усталому лицу.

Учалку кончили, когда солнце ярким утренним светом залило Волгу. Времени на сон не оставалось—через полчаса уходили в рейс.

Много хлопот доставила Марии Роза Петровичева, маленькая молчаливая белоруска. В первый день войны её мать была убита немецкой бомбой. Отец ушёл на фронт, и девушка бежала из пылающего Минска в летнем платье и старых стоптанных туфлях. 10 дней она бродила по страшной военной дороге 1941 года, падая от горя, голода и усталости. Её приютили в медсанбате артиллерийской части. На передовой она была ранена. Вылечившись, девушка приехала в Горький, но во что бы то ни стало решила добиться возвращения на фронт.

В угрюмой грубости она находила выход своей тоске по родине, неудовлетворённой месту за убитую мать. Мария замечала, что иногда и другие девушки после тяжёлой работы закуривали вместе с Петровичевой или отдыхали, не раздеваясь. Тогда Мария выходила на палубу с книжкой:

— А ну, девушки, почитаем «Собор парижской богоматери». Да что это вы такие чумазые? Переодевайтесь и приходите.

Для Петровичевой она находила суровые, но чаще простые и успокаивающие слова. Она заставила её снять изорванную гимнастёрку, достала её платье, туфли. Своим вниманием она словно отогревала девушку, возвращая ей спокойствие.

Так проходили дни. К деловому их однообразию Мария скоро привыкла.

В августе за успешную работу команде «Краснознамёнца» присудили вымпел Наркомречфлота. Целую неделю девушки мыли, чистили свой пароход, принаряженные встречали гостей, показывали кочегарку, кубрики, красный уголок.

На митинге Мария выступила с речью.

Она стояла на мостике, подставив ветру загорелое лицо. Торжественно и строго смотрели на неё девушки и гости. Мария обещала, что «Краснознамёнец» будет работать ещё лучше, перевыполнит план навигации.

Потом говорили девушки, и каждая из них подтвердила обещание капитана.

Вскоре после возвращения из очередного рейса в гости к Марии пришёл Иван Сергеевич Мореходов. Со строгостью учителя он осмотрел «Краснознамёнец» и довольный сказал:

— Я всегда верил в тебя. Я думаю, что твоему примеру последуют многие девушки.

Они долго говорили о войне, о будущем, о новой мечте Марии—стать морским штурманом.

Был поздний вечер. Перед ними по обе стороны великой реки чернел затемнённый город; «Краснознамёнец», замаскированный под цвет воды, чуть виднелся серым расплывчатым пятном.

Мария проводила учителя до набережной. Прощаясь, Иван Сергеевич спросил, полусерьёзно:

— А на берег не тянет?

— Никогда,—горячо ответила Мария.—Нет лучше моей жизни!

Отв. за вып. **С. М. Доброуравова**

Техн. ред. **Г. М. Кузьмин**

Л 49665 Сд. в произ. 26/III'1945 г. Подп. к печ. 30/IV 1945 г.

Печ. л. 5/8. Уч.-изд. л. 0,60. Печ. зн. в л. 38400.

Бум. 60×92/32. Изд. № 501. Тир. 2000 экз. Зак. 626

6-я тип. Трансжелдориздата НКПС. Кривоколенный, 10

26 22/86.

